

Т. С. ИЛЬИНА
(Москва)

МЕЖДУ МОЛИТВОЙ И ЗАГОВОРОМ: В ПРОСТРАНСТВЕ ВЕРБАЛЬНОЙ МАГИИ¹

В традиции Русского Севера магическое и религиозное знание принципиально не противопоставлены друг другу, поэтому тексты молитв могут включать элементы заговоров, использоваться в магических целях. Одним и тем же словом — «молитва» — могут называться и канонические тексты христианских молитв, и охранительные заговоры над молодыми на свадьбе или над скотом от зверей [Словарь 1982, 217]. А. Л. Топорков справедливо отметил, что совокупность заговорно-магических текстов можно представить как континуум, на одном полюсе которого находятся канонические молитвы, на другом — «черные» заговоры и заклинательные формулы. Между ними — множество переходных форм, которые по тем или иным критериям (лексическому наполнению, контексту бытования) могут приближаться то к одному, то к другому полюсу континуума [Топорков 2005, 9].

Среди промежуточных форм, распространённых в устной и отчасти в письменной севернорусской традиции, можно назвать две категории текстов — народные молитвы и приговоры (по терминологии В. И. Харитоновой), так как они состоят из небольших фразовых единств (паремий), построенных по типу открытых конструкций [Харитонов 1992, 403]. Первые могут быть близки к христианским молитвам, но могут содержать и магические элементы [Белова, Левкиевская 2004, 277]. Вторые часто соотносятся с заговорами, цель которых магическое воздействие на окружающий мир, но не являются исключительным достоянием профессионалов: их легко передают и сообщают

собираателям. По нашим наблюдениям, на Русском Севере² некоторые народные молитвы и приговоры, в которых содержатся просьбы к духам-хозяевам и умершим родственникам, могут сблизиться по названию, функции, форме и содержанию.

Сельские жители называют тексты обращений к высшим силам, как к божественным, так и к духам-хозяевам, молитвами, о действии говорят «молиться», подразумевая при этом, что в текстах содержится просьба. В Карельских говорах «молиться» или «молькать» (это значение было зафиксировано ещё в XIX в.) означает горячо, страстно, униженно просить кого-нибудь, умолять [Словарь 1996]). Например: «...дак мы **молимся** Богу, что “дай Бог, дай Бог”, “прости меня Бог”, дак», (В. П. Егорова, 1931 г. р., с. Девятины, зап. И. В. Бродская, Т. С. Ильина [ЭА 2007]); «**Помолюсь**: “Господи, благослови!”». Там что надо, что неладно дак, “прости, может, чего худо сделаешь, либо не по себе ак, прости меня, Боженька”» (Е. Д. Макарова, 1926 г. р., с. Ошта, зап. Т. С. Ильина [ЭА 2008]). «Скотину когда приводят, купят где животинку, тоже во все углы нать **поклониться** и **помолиться**: «Батюшко-хозяинушко, / Матушка-хозяюшка, / Пойте и кормите, / И животом наградити / Мою милую животинку, коровушку, или там овечку, или козлёночка» (Е. И. Тугунова, с. Калитинка Архангельской обл., зап. А. Б. Мороз, Д. Е. Афиногенов [КА 1993]).

Особенно часто такие тексты называются «просьбами», о действии говорят «просить». В одних и тех же ситуациях помощи можно просить у Бога, а можно у покойных родственников или духов-хозяев, например: «В лес пойдёшь, заблудишься, снимешь одежду всю, на левую сторону перевернёшь и **попросишь** Господа Бога. “Помоги, Господь Бог, выведи меня отсюда”. Ну вот и меня Господь вывел» (А. В. Евсеева, 1936 г. р., д. Белый Ручей, зап. Т. О. Пучкова, А. Г. Айдакова [ЭА 2007]); «**Бога каждый день прошу**. Каждый день вставаю утром, умолюся и глаза крещу. Всех мёртвых помяну и живым пожелаю всего хорошего. <Т. С. Ильина: А какими словами?> Дак “Госпо-

¹ По материалам, записанным на Русском Севере. Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 08-04-00318а «Устное повествование как источник для исследования биографии и меняющейся картины мира».

² Материалы, использованные в данной работе, собраны в основном в Пудожском и Вытегорском районах Вологодской обл.

ди, *благослови! Дай добра и здоровья*». (З. М. Антюфеева, 1922 г. р., с. Ошта, зап. Т. С. Ильина [ЭА 2008]). Н. А. Аверина однажды заблудилась в лесу. И, хотя все тропинки ей казались знакомыми, она все-таки никак не могла выйти на дорогу. Тогда она попросила умершую мать помочь ей: *«Потом, а и говорю: “Мáмушка, покажите мне дорогу”. Мамы-то нету. Говорят, просить можно у родителей»* (Н. А. Аверина, 1935 г. р., с. Девятины, зап. В. Л. Талис, Е. В. Публичук [ЭА 2007]). Как только это сказала, она сразу поняла, как можно выйти из леса, перешла через ручеек и увидела тропинку. Просить милости можно и у духов-хозяев: *«Ну и выпускаем, просим хозяина дома... Вот и хозяина попросим, чтоб он берёг всё лето коровушку...»* [Минюхина 1997, 257].

Зачастую тексты, обращенные к Богу, к духам и к умершим людям, в традиции называются одинаково, например, «словами»: *«Ложись спать. И одна оставалась в доме. И думаю, чтобы никто, никакой шалдй [разбойник] не зашёл, не постучался, не напугал. Вот и тоже и говоришь слова: “Спаси и сохрани на ночь Господню меня, Господь милостивый. Спаси и сохрани на ночь Господню»* (А. В. Евсеева, 1936 г. р., д. Белый Ручей, зап. Т. О. Пучкова, А. Г. Айдакова [ЭА 2007]); *«“Хозяин хозяйюшка, с малымы детушкам, берегите мою животину Зореньку, спасите, сохраните, вóвремя домой пригоните. Аминь”. Все эти слова говорили»* (Т. С. Родичева, ок. 1932 г. р., п. Депо, зап. Т. С. Ильина [ЭА 2007]). *«<Кто такие хозяин да хозяйюшка?> Но. В лесу есть, живут <смеется>. Такие слова есть. <Какие слова?> Ну так: “Хозяин и хозяйюшка, верните мою скотинушку, коровушку...”»* (В. Ф. Ильина, 1940 г. р., с. Ошта, зап. Т. С. Ильина [ЭА 2008]). Одна женщина из д. Калитинка сперва рассказала текст, с которым она «молится» домовому хозяину, а потом добавила: *«Эти слова дак меня учили...»* (Е. И. Тугунова, с. Калитинка Архангельской обл., зап. А. Б. Мороз, Д. Е. Афиногенов [КА 1993]).

Думается, что такое наименование говорит не о сходстве этих текстов, а, скорее, о различии. Когда речь идет об обращении к божественным персонажам, то имеется в виду, что человек произносит не канонический текст, а молится «своими словами». Когда об-

ращения к духам-хозяевам называются «словами», то они сближаются с заговорными формами, которые часто называют «словами» [Толстая 1999, 239], хотя иногда обращения к духам, доступные и непрофессионалам, могут противопоставляться заговорным словам, известным знающим людям: *«Вот слова надо, на двор приведёшь коровушку совсем чужую, дак ведь надо попросить хозяина, хозяйюшку: “Примите милую скотинушку такую-то”. Вот. А так я не знаю больше слов. Я не колдунья»* (В. С. Майорова, 1930 г. р., с. Ошта, зап. А. А. Голованова, Е. В. Публичук [ЭА 2008]).

Тексты, адресованные божественным персонажам, духам-хозяевам и умершим родственникам, похожи по словоупотреблению, например: *«Царица Небесная, Мать Пресвятая Богородица, спаси и сохрани меня. Спáсик мой родной, Спаситель...»* (А. В. Комисарова, 1926 г. р., с. Девятины, зап. И. В. Бродская, А. Г. Айдакова [ЭА 2007]); *«Пошёл в лес — скажи: “Егорий Великомученик, спаси и сохрани”. Не покажется ни заяц, ни змея, никто. Не увидишь»* (Ф. О. Полторанова, 1923 г. р., д. Нижняя Водлица, зап. А. Л. Топорков, А. В. Нечитайло, М. А. Демьянова [ЭА 2008]); *«Домовой хозяин, хозяйюшка с малымы детушками, весьма приходящимися, спаси и сохрани мою семью (перечислит имена)»* [Русские заговоры 2000, 112]; *«Домовой хозяин, прими мою животинку и спаси, и сохрани!»* [Смольников 1997, 106]; *«<Когда выходишь из дома, надо что-нибудь сказать?> Глаза перекрестить надо и сказать: “Господи, благослови”. Не выходя на улицу перекрестить глаза и сказать: “Господи, благослови”»* (К. М. Малафеева, 1925 г. р., с. Ошта, зап. Т. С. Ильина, Д. В. Барышникова [ЭА 2008]); *«Хозеин, хозеюшка с малымы детоцьками, благословите на всю ноцьку спать»* [Русские заговоры 2000, 112].

В некоторых ситуациях тексты, адресованные божественным персонажам, духам-хозяевам или покойным родственникам, могут произноситься вместе. Например, когда выгоняют скотину на пастбище, говорят: *«Спаси, Господи, и сбереги скотинку-матушку, хозяин полевой и дворовой впереди. Спаси, дворовой и полевой хозяин!»* [Минюхина 1997, 257]. *«Ну другой раз бывает, что скажешь: “Боженька, помоги!”. Другой раз у мамы попросишь, что “мамушка,*

помоги!“. Или мужа попрошу, что... Сына попрошу (покойного. — Т. И.), что “помогите мне”. Помогает или не помогает, Бог знает» (О. А. Афонина, 1936 г. р., с. Ошта, зап. Т. С. Ильина, Е. В. Публичук [ЭА 2008]). Когда люди переходят из одного дома в другой или приводят купленную скотину в хлев, они обращаются одновременно и к Богу, и к домовому хозяину: «<Говорят, когда в первый раз входят в дом:> “Хозяин с хозяйшкой с малыми детушкам... это, пустите нас жить”. Богу помóлился, кругом вот, солнце встават так кругом: “Господи, благослови, спаси и сохрани”» (З. М. Якунина, 1913 г. р., д. Андома, зап. Н. А. Кузнецова, А. Г. Айдакова [ЭА 2006]).

Знахарка из Андомского погоста М. И. Площицына, когда оказалась на втором этаже своего горящего дома, из которого не смогла выбраться, попросила помощи у Богородицы и своих умерших матери и свекрови. Произнесение молитвы сопровождалось крестным знамением. Мария Ивановна вспоминает: «Ой, — я говорю, — ой, Пресвятая Дева, бабушки, помогите мне, я погибаю!». Она снова перекрестилась со словами «Пособи ты мне, Пресвятая Дева!» и выпрыгнула в окно. Женщина осталась в живых, хотя и покалечилась (М. И. Площицына, 1929 г. р., д. Андома, зап. А. Л. Топорков [ЭА 2006]).

Тексты обращений к высшим силам различаются по функциональной направленности. Мы остановимся на нескольких группах текстов, которые нам удалось зафиксировать в последние годы. Это молитвы, которыми люди пользуются во всех случаях жизни, тексты, связанные со скотоводческой обрядностью, со сменой жилища, молитвы «в путь», «на сон», просьбы о прощении.

Молитвы на все случаи жизни

Адресатами молитв являются божественные персонажи: Бог (Отец и Сын), Богородица, Ангел Хранитель и Николай Угодник, реже — другие святые.

Мы столкнулись с тем, что сегодня деревенские жители, как правило, не знают канонических молитв, не соблюдают обрядов, а молятся так, как могут: «<А вы знаете молитвы?> Не знаю, милая, не знаю, не знаю чё-то <смеётся>».

Не могу... а так всё тоже... как мама <...> “Господи-Боже, благослови”. Каждый раз, что так-то. Ну, вот тут вот надо. Ну, просто вот забудешь — вспомни: “Господи Боже мой, на ноченьку господню” <нрзб.> сказать, ты вот так же: “Господи-Боже, благослови на ноченьку господню. Дай Бог здоровья всем, аминь, аминь, аминь”. И вот это можно. А так вот тоже просто...» (О. А. Смирнова, 1940 г. р., с. Девятины, зап. И. В. Бродская, Е. В. Публичук [ЭА 2007]); «Богу молиться не умею. Дак... Не молюся я, креста не ставлю на себя. Говорю: “Господи, благослови!”. И всё. Я не молящая. Не молящая», М. И. Колесова, 1926 г. р., с. Ошта, д. Нижняя Водлица, зап. Т. О. Глебова, Т. С. Ильина [ЭА 2008]).

Исполнители жалуются, что канонические молитвы трудны для понимания, на старости лет они не могут их запомнить. Для наших собеседников немаловажно, что тексты, с помощью которых они молятся, легко запоминаются, не содержат сложных непонятных слов. Вера Васильевна Игнатьева, призналась, что в старости память у нее ослабла и, хотя она пыталась выучить полный текст канонических молитв, не могла его усвоить, поэтому во всех случаях жизни она произносит коротенькую молитву (В. В. Игнатьева, 1931 г. р., с. Девятины, зап. Е. В. Публичук [ЭА 2007]).

Обычно наши собеседники молятся «своими словами»: «<Вы молитвы читаете?> (В. А. Чикина): Молитвы не знаем. <А как вы говорите?> Ну, просим здоровья. Для себя, для ближнего. (Н. А. Чикина): Для дочерей, для внучат. <А как вы, все-таки, это говорите?> <Муж и сестра В. А. Чикиной смеются> (В. А. Чикина): Своими словами... “Господи, дай здоровья мне, моим детям, внукам, правнучке...”» (В. А. Чикина, 1935 г. р., Н. А. Чикина, 1952 г. р., д. Мелентьево, зап. Т. С. Ильина [ЭА 2004]).

Молитва «своими словами», в которой есть формула «Господи, благослови», часто называется «благословением», а о действии говорят «сделать что-то, благословясь». Просьбу «Господи, благослови» церковь рекомендует произносить перед началом любого дела. В контексте православной книжности и обрядности «благословиться» — значит получить благословение от священника или от родителей. Понятия же «бла-

гословить себя» не существует [Скляревская 2000, 35]. То, что деревенские жители называют благословением, в церковной практике именуется молитвой. Как правило, такие молитвы не записываются.

В сущности, молитвы «своими словами» и «благословения», обращенные к божественным персонажам, не содержат ничего, противоречащего православной вере. Эти тексты можно сравнить с принятыми в христианстве «творческими молитвами», в которых человек формулирует просьбу так, как ему хочется, высказывает свои нужды и просит помощи у Бога своими словами [Скурат 1999, 76]. Однако, если для христианина молитва является средством духовно-нравственного совершенствования, которое приближает его к спасению души [Брокгауз, Ефрон 1896, 629], то в народных молитвах, обращенных к божественным персонажам, на первый план выступает прагматика.

Согласно христианскому учению о молитве, в зависимости от цели выделяются просительные, благодарственные, покаянные и хвалебные молитвы [Скурат 1999]. В целом это деление применимо и к народным молитвам, однако хвалебные молитвы нам не встречались. На Русском Севере наиболее востребованы просительные молитвы — те, в которых человек просит высшие силы о помощи, защите.

Можно привести множество примеров таких текстов. А. В. Евсеева рассказывает нам, как она молилась за своего внука, пока он был в армии: «*Спаси моего внука, там, Диму, спаси и сохрани. На всю период службы. Спаси от всех злых людей, от тоже злого духа. Дай ему лёгкой службы. Чтoб его никто не обижал...*» (А. В. Евсеева, 1936 г. р., д. Белый Ручей, зап. Т. О. Пучкова, А. Г. Айдакова [ЭА 2007]). К. М. Устинова объясняет, что при входе в лес нужно «благословиться» и попросить помощи у Бога: «<Нужно что-нибудь сказать, когда идешь в лес?> *А в лес я не знаю, “Господи, благослови!”*, перекреститься надо, *што в лес иди: “Пособи, Господи, зйти и выйти!”*» (К. М. Устинова, 1928 г. р., пос. Красноборский, зап. А. Л. Топорков [ЭА 2007]). Когда выгоняют корову на лето в первый раз, говорят слова: «*Господи, благослови на лето на красное, поди с Богом*» [Адоньева, Овчинникова

1993, 64]. Вечером, перед отпращиванием ко сну, следует произносить «*Благослови, Господи, на нoчку тёмную*» (Н. А. Батазова, 1928 г. р., с. Девятины, зап. А. Л. Топорков, И. В. Бродская, Т. О. Пучкова [ЭА 2007]); «*“Господи, помоги мне уснуть, дай здоровыца”. Вот тоже три разá повoтoряю эти, спать ложусь*» (М. С. Карпова, 1926 г. р., п. Депо, зап. А. Л. Топорков, И. В. Захарова [ЭА 2007]). «*На экзамен-то пойдёте, дак всё-таки: “Благослови нас Господи. Лёгко будет идти*» (М. И. Площицына, 1929 г. р., д. Андома, зап. А. А. Соловьева, Е. В. Публичук [ЭА 2006]). Молитва «Господи, благослови!» — это и оберег от нечистой силы. Рассказывая о том, что в местной речке живет водяной, который топит купающихся, знахарка М. И. Площицына посоветовала собирателям перед входом в реку помолиться: «*Но купаться пойдёшь, так надо тоже благословясь: “Благослови меня, Господи”*» (М. И. Площицына, 1929 г. р., д. Андома, зап. А. А. Соловьева, Е. В. Публичук [ЭА 2006]). В Архангельской области, чтобы кикимора не спутала пряжу, нужно оставлять прялку с молитвой: «*Как ежели на ночь пошла, да кладёшь, дак благословясь клади прялку. А покинула, “Господи, благослови”, или ещё. <А если так не сделать?> А так оставить, дак кикимора, говорят, придёт*» (М. Г. Савина, 1912 г. р., с. Печниково, зап. Л. Р. Хафизова, С. М. Фрумкина, Е. Шишлова [КА 1997]).

В структуре таких молитв, как правило, выделяется формула обращения (например, «Господи, спаси и сохрани», «Господи, благослови», «Господи, помоги» и др.) и пожелание, высказанное своими словами. В этих молитвах люди просят о том, что их волнует, чего им не хватает: о здоровье, помощи в трудной ситуации, защите от напастей и т. п.

Часто в молитвах встречаются словосочетания «день Господень» и «ночь Господня»: «*Благослови, Господи, на день Господень*» (В. В. Игнатьева, 1931 г. р., с. Девятины, зап. Е. В. Публичук [ЭА 2007]); «*Спаси, сохрани и помилуй, на всю Господнюю нoченьку*» (О. Р. Гаева, 1928 г. р., с. Девятины, зап. В. Л. Талис, А. Н. Лавринович [ЭА 2007]). А. В. Евсеева молится за себя и за своих родных словами: «*Спаси моих детушек на день Господень. Дай им добра и здоровья. Спаси их от всех злых людей, от злого*

духа» (д. Белый Ручей, А. В. Евсеева, 1936 г. р., Т. О. Пучкова, А. Г. Айдакова [ЭА 2007]). «*Даже в магазин я пошла ак в магазин дак, и то надо, через порог или выхожу-от, утром встаю ак через порог. Там снимаю крюк или палку, еще со скобы, ак “Господи, благослови на день Господень!” Я и теперь говорю*» (Н. П. Сисипатрова, 1926 г. р., с. Девятины, зап. А. Л. Топорков, Т. С. Ильина [ЭА 2007]). Произносить слова молитвы по утрам советует знахарка М. И. Площицына: «*Всегда утром-то встаньте и скажите: “Благослови, Господи, нас на день Господни”. Знашь, как будет легко и хорошо. Никак зараза к вам не пристанет*» (М. И. Площицына, 1929 г. р., д. Андома, зап. А. А. Соловьева, Е. В. Публичук [ЭА 2006]). К. К. Логинов, описывая ситуацию конца XIX — начала XX в., отмечал, что водлозерские хозяйки обычно начинали свой день с того, что кланялись на четыре стороны света, произнося: «Господи, благослови на день Господень!» [Логинов 2006, 203].

В христианской лексике выражение «день Господень» имеет несколько значений. Во-первых, это день торжества Бога над своими врагами — день Второго Пришествия. В этом значении выражение используется в Книге пророка Иоили, Книге пророка Амоса: «да трепещут все жители земли, ибо наступает день Господень, ибо он близок» [Иоиль 2:1]; «...велик день Господень и весьма страшен, и кто выдержит его?» [Иоиль 2:11]; «Горе желающим дня Господня!» [Ам 5:18]; «Разве день Господень не мрак, а свет? Он — тьма, и нет в нем сияния» [Ам 5:20]. Также это термин, обозначающий день особого поклонения Богу — воскресенье. В контексте народных молитв «день Господень» и «ночь Господня» обозначают каждый день и каждую ночь. Вероятно, в народном представлении, поскольку Бог создал и день и ночь, то любой день и любая ночь — день и ночь Господни.

Следует отметить, что в своей речи деревенские жители часто используют выражения, похожие по форме на молитвы (просительные, благодарственные или покаянные). Это примеры стереотипизации: «*Целый вечер, прости Господи, просмеялись над ним...*» [Харузин 1894, 307]; «*Какая-то сволочь, прости Господи, колдунья какая-то сделала ей, и всё*» (П. В. Елесичева, 1952 г. р.,

п. Депо, зап. Е. В. Публичук, И. В. Захарова [ЭА 2007]); «*Вот никогда, говорят, в лес пойдёшь, не говори: “Я недолго схожу”. Это уж мiлуй Бог*» (Н. А. Австрина, 1935 г. р., д. Белый Ручей, зап. А. Л. Топорков, Т. С. Ильина [ЭА-2007]); «*Слава Богу, батюшку с матушкой схоронил, как с поля убрал*» [Ефименко 1864, 33]. Такие выражения формально похожи на молитвы, однако, это только фразеологизмы, не имеющие своей основной целью обращение к Богу.

Тексты «в путь» и «на сон»

В современной деревне чрезвычайно распространены молитвы «в путь». Исследователи называют их по-разному. В научной литературе нам встретились два основных названия для этих текстов — заговоры [Кляус 2004] и молитвы [Щепанская 2002, 95—96]. Отсутствие единого мнения на счет того, к какому жанру можно отнести эти тексты, говорит о том, что они имеют нечто общее и с заговорами, и с молитвами.

В традиции эти тексты могут называться «молитовками»: «<про рукописную тетрадь>... Там и “Отче наш” тоже есть, и разные “на дорогу”, “на путь”, “на поездку”, “на сон грядущий”. В общем, вот такие молитовки есть, и все» (Г. В. Геранькина, 1934 г. р., с. Девятины, зап. А. Л. Топорков, Т. С. Ильина [ЭА 2007]).

Тексты «в путь» бывают обращены к Богу, Богородице, Николаю Угоднику, Ангелу Хранителю: «Встань, Господь, на пути, / Святая Богородица, мне путь покажи» [Адоньева, Овчинникова 1993, 50]; «Господи, благослови, Христос! / Ангел Господний — встречу, / Дух святой — по пути, / Пресвятая Троица, спаси и помилуй нас» [Адоньева, Овчинникова 1993, 50]; «Я сегодня в тяжелом пути, ангел со мною, Христос на пути. Никола Святитель мне путь освяти, а Мать Святая Богородица со мной иди. Аминь, аминь» (Г. В. Геранькина, 1934 г. р., д. Белый Ручей, зап. А. Л. Топорков, Т. С. Ильина [ЭА 2007]). Е. П. Богданова (1934 г. р., с. Девятины) показала нам текст, который она произносила во время первого выгона коровы. Этот текст был записан на листе и хранился у нее за божницей: «Иди в путь моя коровушка во дороженьку, благословясь. Впереди Пресвятая Божья Мать Бого-

родица пойдёт, а сзади Иисус Христос, а Илья пророк всех врагов побьёт. Амин, амин, амин»³.

Эти тексты встречаются как в устном бытовании, так и в рукописной традиции. В них описывается путешествие того, кто произносит текст. При этом путника сопровождают высшие силы: Ангел Хранитель, Христос, Богородица, Николай Угодник. Ситуация может быть представлена так, что человек уже находится в пути, а божественные силы его сопровождают, либо путник только отправляется в дорогу и призывает святых отправиться вместе с ним: «...Ангел впереди, Спаситель в пути. Николай Угодник дорогу освети» (И. А. Великанова, 1930 г. р., д. Андреевская, зап. И. В. Бродская, Е. В. Публичук [ЭА 2007]), «Господи, я в пути. Бог впереди, Богородица с ним...» (М. С. Карпова, 1926 г. р., п. Депо, зап. А. Л. Топорков, И. В. Захарова [ЭА 2007]), «Христос мой, пойдём со мной. Ты вперёд, а я сзади за тобой» (А. В. Евсеева, 1936 г. р., д. Белый Ручей, зап. Т. О. Пучкова, А. Г. Айдакова [ЭА 2007]).

Святые, сопровождая путника, идут впереди него, как бы прокладывая ему дорогу и загораживая его от опасности. Мы получили интересные комментарии от одной из женщин, сообщивших нам молитву: «Ангел Хранитель, пойдём со мной. Ты вперёд, а я сзади за тобой». Хранитель, если что случится, дак Хранитель он тебя тогда спасёт. Вот. Ты уже сзади идёшь. Три раза вот так вот надо сказать» (А. В. Евсеева, 1936 г. р., д. Белый Ручей, зап. Т. О. Пучкова, А. Г. Айдакова [ЭА 2007]).

В одном тексте женщина описывает ситуацию, когда сакральные персонажи идут сначала впереди нее, а потом оказывается, что она находится между ними: «Господи, я в пути. Бог впереди, Богородица с ним, я между им. Амин, амин, амин» (М. С. Карпова, 1926 г. р., п. Депо, зап. А. Л. Топорков, И. В. Захарова [ЭА 2007]). Так исполнительница молитвы становится защищенной и спереди, и с боков — она как бы окружена святыми. Таким образом, создается граница между ней и потенциальной опасностью. Если представить себе расположение фигур, то в плане они представляют крест, и человек огражден

еще и крестом. На это обратила внимание Т. Б. Щепанская, которая в своей монографии, посвященной культуре дороги, называет эти тексты молитвами-«крестами» [Щепанская 2002, 95].

Эти молитвы произносят перед отправлением в путь, когда идут в лес, воспринимаемый как опасное пространство: «Молитва в дорогу. Когда идти в лес или кого-нибудь боишься, эту молитву переговариваешь» [Русские заговоры 1998, 374]. Актуальны они и тогда, когда предстоит путешествие на самолете [Адоньева, Овчинникова 1993, 52]. Такие молитвы читают перед началом дела [Русские заговоры 1998, 374], перед сложной операцией [Адоньева, Овчинникова 1993, 50] или перед экзаменом [Русские заговоры 1998, 373].

В России одна из ранних фиксаций мотива «человек в окружении святых» содержится в рукописи конца XVII — начала XVIII в., найденной на территории Карелии. «Молитва ко власти приход»: «Стоит надо мною Спас с Пречистою Богородицею и святыи Иван Предтеча, и спреди идет великий святитель Николае со триста аггелы, и за мною идет святыи мученик Георгий на кони, и с правые руки — грозный воевода Михайла [со] скипетром, на левые руки — Гаврил с пращею» [Пигин 2002, 246].

Тексты-обереги, в которых присутствует мотив «сакральные силы сопровождают путника», известны не только на Русском Севере, но и шире — во всех восточнославянских [Полесские заговоры 2003, 614], южно- и западнославянских традициях [Кляус 2004, 195].

Ситуация, в которой ангел сопровождает человека, спасает его от опасности, встречается в христианской литературе. В Деяниях апостолов есть эпизод, в котором ангел освобождает апостола Петра из тюрьмы [Деян. 12, 6—10]. Путешествие описывается так: Ангел разбудил Петра в темнице, велел ему одеться и следовать за собой. Петр, ведомый Ангелом, беспрепятственно выходит из темницы, он проходит мимо стражи, и она его, очевидно, не замечает.

В православной традиции есть «Молитва о путешествующих» [Молитвослов 2007, 467—468]. В ней молящийся просит послать ангела тем, кто находится в дороге: «Путь и истина сый, Христе, спутника Ангела Твоего рабом Твоим ныне, якоже Товии иногда, пос-

³ Орфография и пунктуация текста приближены к современным литературным нормам.

ли сохраняющая...» [Молитвослов 2007, 467—468].

Можно предположить, что народные молитвы с мотивом «человек в окружении святых» испытали влияние христианской книжности.

Однако подобные тексты-обереги есть не только у славян, но и у других народов [Кляус 2004, 195]. Например, в монгольской традиции зафиксирован такой обряд: принося перед дорогой жертву духам, покровителям разных местностей, по которым проходил путь следования, шаманы обращались к ним с просьбой: «Впереди быть путеводителями, а позади — охранниками, не давать едущих в обиду, отгонять от них злоумышленников и т. д.» [Манжигеев 1978, 85].

Есть основания полагать, что мотив «иду в дорогу — святые на страже» [Полесские заговоры 2003, 612] — очень древний. Одну из самых архаичных фиксаций мотива находим в аккадском заклинании-молитве к Мардуку: «Мой бог да пребудет со мною справа, / Богиня моя да будет слева, / Бог-хранитель мой да пребывает со мною вечно!» [Топорков 2005, 222]. В древнеегипетских Текстах пирамид встречаются описания путешествия покойного по загробному миру: «Исида перед ним, Нефтила позади его, Вепуат открывает ему путь и Шу поднимает его» [Тураев 2002, 53].

Некоторые мотивы, характерные для народных молитв, произносимых в дорогу, семантически близки мотивам, содержащимся в молитвах «на сон».

И. А. Великанова показала нам молитву «на сон грядущий». Молитва содержит мотив закрещения: «*Спать ложусь — крестом крещусь: правая рука — Богородицкий крест, Господь я... я не одна, Ты со мной, и я с Тобой. Раба Божья*» (И. А. Великанова, 1930 г. р., д. Андреевская, зап. И. В. Бродская, Е. В. Публичук [ЭА 2007]). Молитва содержит стандартные для такого случая мотивы: мотив креста («с крестом спать ложусь») и обращение за помощью к сакральному покровителю: «Господи, будь вместе со мной» [Полесские заговоры 2003, 579]. Крест должен отогнать нечисть и защитить человека, произносящего текст, от внешней опасности. Можно привести пример этого мотива, зафиксированного на соседней территории, в Архангельской обл. в XIX в.: «Ложась спать, они

(великороссы. — Т. И.) ограждают себя крестным знаменем и следующим заключением, в котором сделаны некоторые изменения и дополнения под влиянием христианских идей: “Крестом крещусь, крестом огражусь, крестом ангела призываю, крестом врага (т. е. черта) отгоняю. Будь проклят враг от имени Господня от Духа Святаго. На церкви крест, на престоле крест и на рабе Божьем N крест”» [Ефименко 1864, 56].

Мотив креста («Спать ложусь, крестом крещусь») широко известен в восточнославянской и польской традициях [Полесские заговоры 2003, 582]. Е. Е. Левкиевская, отмечая типологическое сюжетное сходство молитв «на ночь» с польскими *modlitewkami*, высказывает мнение о существовании источника, единого для западно- и восточнославянских текстов этого функционального типа [Там же, 580].

Во второй части этого текста молящаяся призывает на помощь Бога: «Господь я... я не одна, Ты со мной, и я с Тобой». Этот мотив мы также встречаем в молитвах, произносимых перед отправлением в путь, в которых человек призывает сакральные силы, дабы отправиться не одному, а вместе с ними и под их защитой [Кляус 2004, 195]. Думается, у этой формулы в данном случае то же значение.

Формула «Ты со мной, и я с Тобой» имеет параллели в тексте канонической молитвы святого Симеона Нового Богослова: «...я в самом деле не один, но с Тобою, Христе мой, Светом, ярким как три солнца, просвещающим мир». Речь здесь идет, с одной стороны, о словах Христа, который сказал: «Ядущий мою плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» [Ин 6:56], с другой стороны, о том, что каждый истинный христианин, руководствуется в жизни этическими нормами, которые оставил Христос, и поэтому находится под Его защитой и покровительством.

Различия между формулами, которые используются в народных молитвах и формулой в канонической молитве, очевидны. Если в церковной формуле речь идет о том, что Христос пребывает с человеком, который стремится к нравственному совершенствованию, то в магической формуле женщина просто призывает высшие силы, чтобы они защитили ее от опасности.

Обращения к духам при выгоне скота на пастбище и при переходе в новый дом

Поскольку такие духи, как домовый, дворовой, леший, в представлении сельских жителей являются хозяевами тех пространств, в которых обитают, человек, прежде чем занять дом, хлев, должен «попроситься» у хозяина, чтобы его приняли: «(А. Д. Королева): *Хозяину... Скотинку приведёшь, дак попроситься надо*. (Л. Ф. Фотина): *Скотинку просить надо на дворе. Надо просить у хозяина, чтобы приняли*. (А. Д. Королева): *Да, иначе нельзя*. <А как просить нужно?> (Л. Ф. Фотина): *Дак и не знаю, как*. (А. Д. Королева): *“Хозяин, хозяйюшка, примите мою там...”* (Л. Ф. Фотина): *“Примите”, да, ну*. (А. Д. Королева): *...как назовёшь скотинку где...»* (Л. Ф. Фотина, А. Д. Королева, 1930 г. р., с. Ошта, зап. Е. В. Публичук [ЭА 2008]).

Другое обозначение того же действия — «подавать» скотину хозяину: «...*Подавать надо на двор да скотинку*. <Подавать?> *Дак ведь как же? А чтобы какое... домовый чтоб пустил туда, этот дворовой-то хозяин да хозяйюшка. Подавать надо*. <...> что “хозяин да хозяйюшка, примите милую скотинушку такую-то по имени, на двор, пойте, кормите, для нас, для себя берегите”» (А. А. Сидорова, 1938 г. р., с. Ошта, зап. Е. А. Клущина, Е. В. Публичук [ЭА 2008]). В глаголе «подавать» отражается представление о том, что человек как бы передает свою скотину домовому, теперь он должен о ней заботиться.

К духам-хозяевам обращаются, когда отправляют скотину весной на пастбище, при входе в новый дом, если вводят купленную скотину в хлев. Просить помощи у лешего необходимо, когда отправляешься в лес: «*В лес пойдёшь, поклонись, где тебе свернуть дак, “лесовые хозяин с хозяйюшкой, вот пришла я к вам, пришла по ягоды” дак скажешь, по каким ягодам пришла, “помогите собирать, найти и собирать”*. Ну вот. *Найдёшь, соберёшь, если по грибы дак, “помогите, я по грибам пришла дак”*. Ну. *Соберёшь, станешь уходить домой, скажешь опять благодарность: “спасибо за вашу помощь. С помощью... И с Божьей помощью, и с Божьей милостью я собрала, что мне надо было. Я очень благодарная*

вам за всё это. В скором времени, может, я ещё приду к вам”. Я часто ходила». (В. Н. Климова, 1932 г. р., с. Ошта, зап. Т. С. Ильина, А. Л. Топорков, М. Д. Алексеевский [ЭА 2008]); «Хозяин и хозяйюшка лесовики, помогите мне, чтобы на звериные следы не ступала, чтобы звери на меня не глядели» (М. И. Площицына, 1929 г. р., д. Андома, зап. А. А. Соловьёва, Е. В. Публичук [ЭА 2006]).

Последний текст мы записали от знахарки М. И. Площицыной, которая также сообщила нам несколько заговоров от разных болезней⁴. В ее заговорах основным источником недугов мыслятся «худой взгляд» и «звериные следы». Судя по всему, это обычные топосы магических текстов М. И. Площицыной.

Существует представление о том, что, если ты не «попросился» у духа-хозяина, то он будет тебе вредить: «*А коза была дойная, коровы-то тогда не было ещё, думаю, робята маленькие, хоть робятам молока. А козы не попросила у хозяина, чтобы принял. И коза потерялась — ушла и не могла найти. И сколько времени искала, не могла. Потом пришла сама дак ягнивши и потом худá стала и пришлось рушить* <т. е. зарезать>. Я ска<зала>: “Вот как, вот забыла попросить этого, у хозяина”. Везде, любушка, хозяева есть. Но только не умеем, как жить с йма. Надо везде попроситься по хорошему» (З. М. Антюфеева, 1922 г. р., с. Ошта, зап. Т. С. Ильина [ЭА 2008]).

Обращения к духам-хозяевам, похожие на те, что мы фиксируем в конце XX — начале XXI в., были известны и ранее. Например, П. С. Ефименко опубликовал одно в 1864 г.: «Когда приводят купленную скотину в хлев, тогда употребляют следующего рода заклинание, или воззвание к домовому: “Дедушко-отама-нушко! Полюби моего чернеюшка (или пестреюшка, смотря по шерсти), пой, корми сыто, гладь гладко, сам не шути, и жены не спущай, и детей укликай (унимай)”» [Ефименко 1864, 20, № 23].

Просить прощения

В севернорусских диалектах используется глагол «прошаться» в значении «попросить прощения». «Прошаться с местом» означает, что для успешного

⁴ Об этом см.: [Публичук, Топорков 2007].

лечения (при некоторых болезнях) следует припоминать то место, где человек заболел, сходить туда и покаяться [Словарь 1999, 55]. «Прощаться» — это и просить помощи у духов-хозяев, например, лешего [Словарь 2002, 236].

Согласно христианскому вероучению молитва, в которой человек просит прощения у Бога, называется «покаянной». Человеческие грехи составляют главное препятствие к получению человеком Божьей милости, и в молитве человек просит Бога отпустить ему грехи, не наказывать его за них. Покаянная молитва с формальной стороны имеет сходство с просительной молитвой. В своей сущности, однако, она отличается от просительной. В покаянной молитве предметом служат не потребности жизни, а просьба о прощении грехов. Считается, что любое молитвенное правило христианину следует начинать с покаяния [Скурат 1999, 44—45]. Л. В. Хитрова совмещает просительные и покаянные молитвы. Когда ей нужна помощь, она говорит такие слова: *«Помоги мне Господы, прости меня»* (Л. В. Хитрова, 1946 г. р., с. Девятины, зап. Е. В. Публичук [ЭА 2007]). Покаянные молитвы могут исполняться при совершении магических действий. Например, когда корова отелится, ее моют, окуривают Богородицкой травкой. При этом молятся: «Господи помилуй, Христе Боже нас...» (Архангельская обл.) [Адоньева, Овчинникова 1993, 63].

Просить прощения нужно и у духов-хозяев, если, например, обидел их неосторожным словом: *«Ругаешься во хлевѣ. <...> Также надо потом просить прощения. У хозяина. Что «прости меня, то ли я оплошѣлась, то ли я провинилась. Прости меня хозяин-хозяюшка с малым дѣтушкам, дедушка и бабушка с малым внучатом. И помоги мне, вот, мне и вот коровушке, там, (как зовут коровушку, название коровушки)»* (Е. П. Богданова, 1934 г. р., с. Девятины, зап. Т. С. Ильина [ЭА 2007]).

Если человек заболел от ушиба, он должен вернуться на то место, где это произошло, и попросить прощения у земли: *«Простите меня, свято честное местечко, лес дремучий, пески сыпучие, болота зыбучие! Простите меня, грешную, где я дунула, где я плюнула, слово неаккуратно сказала. Простите меня,*

грешную» (Беломорский р-н) [Русские заговоры 2000, 102, № 302]. Такие тексты фиксировались и в Пудожском, и в Прионежском районах [Русские заговоры 2000, 107, № 324; 108, № 328].

В 2006 г. знахарка из Андомского погоста М. И. Площицына сообщила, что, если человек заболел в результате ушиба, он должен помолиться там, где получил травму: *«Прошу, Пресвятая Дева, меня простить, что я неаккуратно ступил или пошёл... Ну, это запомнишь. Это тоже маленькие, небольшие <слова>»*.

Формулы моления земле фиксировались в конце XIX в. Н. Н. Харузиным. В 1894 г. он сообщил случай, записанный во время его путешествия по Русскому Северу. Одна баба из Купецкого Озера (ныне Пудожский р-н Карелии) выкупалась в лесном прудике, после чего заболела. Знахарка посоветовала ей пойти к пруду «прощаться» (т. е. попросить прощения). Женщина возле рокового водоема 3 раза повторила за знахаркой слова, причем каждый раз женщины клали по земному поклону: «Царь лесовый и царица лесовая и лесовые малыя дѣтушки, простите меня, в чем я согрѣшила». После третьего раза послышался рядом шум, словно выстрел. Женщина вернулась в деревню, и вскоре поправилась [Харузин 1894, 308].

Следует отметить, что просить прощения у земли принято не только на Русском Севере. Такие обряды были зафиксированы и в Воронежской губ., и в Ярославской губ. [Топорков 2002, 393]. Наши материалы вписываются в более широкий контекст обряда «покаяния» земле, существующего у разных славянских народов [Толстой 2003].

Тексты, с которыми современные жители обращаются к высшим силам, представляют собой гетерогенные образования: с одной стороны, они испытали влияние христианского вероучения, христианской книжности, с другой, рассматриваемые тексты соотносятся с традиционными верованиями, представлениями, связанными с духами-хозяевами и вербальной магией. Причем эти особенности характерны не только для текстов, записанных в последнее время, но и для тех, что фиксировались и в XIX в., и раньше.

Деревенские жители не делают различия между молитвой Богу или духу-

хозяину. Можно наблюдать, как в одни и те же тексты подставляются то имена Бога или христианских святых, то лешего, домового. Это связано с тем, что людям важнее прагматическая направленность молитвы, а не ее христианский смысл.

Литература

Адоньева, Овчинникова 1993 — Традиционная русская магия в записях конца XX века / сост. С. Б. Адоньева, О. А. Овчинникова. СПб., 1993.

Белова, Левкиевская 2004 — *Белова О. В., Левкиевская Е. Е.* Молитва // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3. М., 2004. С. 276—280.

Богданов 1991 — *Богданов К. А.* Заговор и молитва (к уяснению вопроса) // Русская литература. 1991. № 3. С. 65—68.

Брокгауз, Ефрон 1896 — *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Т. 38. СПб., 1896.

Ефименко 1864 — *Ефименко П. С.* Демонология жителей Архангельской губернии // Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 г. Архангельск, 1864.

Кляус 2004 — *Кляус В. Л.* Русские заговоры «на хорошую дорогу» // Этнопоэтика и традиция. М., 2004. С. 187—197.

Логинов 2006 — *Логинов К. К.* Этнолокальная группа русских Володзерья. М., 2006.

Манжигеев 1978 — *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации. М., 1978.

Минюхина 1997 — *Минюхина Е. А.* Первый выгон скота // Морозов И. А., Слепцова И. С., Островский Е. Б., Смольников С. Н., Минюхина Е. А. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М., 1997. С. 254—258.

Молитвослов 2007 — Полный православный молитвослов и Псалтирь. М., 2007.

Полесские заговоры 2003 — Полесские заговоры (в записях 1970—1990 гг.) / сост., подгот. текстов и коммент. Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. М., 2003.

Пигин 2002 — Заговоры и молитвы из коллекции Корниловых / подгот. текста и коммент. А. В. Пигина // Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков / отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М., 2002. С. 241—249.

Публичук, Топорков 2007 — *Публичук Е. В., Топорков А. Л.* Знахарка из Андомы и ее заговоры // Народная медицина и магия в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2007. Вып. 21. С. 188—204.

Русские заговоры 1998 — Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953—1993 гг. М., 1998.

Русские заговоры 2000 — Русские заговоры Карелии / составитель Т. С. Курец. Петрозаводск, 2000.

Скурат 1999 — *Скурат К. Е.* Христианское учение о молитве и ее значении в деле нравственного совершенствования. Клин, 1999.

Смольников 1997 — *Смольников С. Н.* Домовой и дворовый // Морозов И. А., Слепцова И. С., Островский Е. Б., Смольников С. Н., Минюхина Е. А. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М., 1997. С. 105—107.

Скляревская 2000 — *Скляревская Г. Н.* Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000.

Словарь 1996 — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1996. Вып. 3.

Словарь 2002 — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 2002. Вып. 5.

Словарь 1982 — Словарь русских народных говоров. Л., 1982. Вып. 18.

Словарь 1999 — Словарь русских народных говоров. Л., 1999. Вып. 33.

Срезневский 1913 — *Срезневский В. И.* Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913.

Толстая 1999 — *Толстая С. М.* Заговор // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М., 1999. Т. 2. С. 239—244.

Толстой 2003 — *Толстой Н. И.* «Покаяние земле» // Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. М., 2003. С. 506—512.

Топорков 2002 — *Топорков А. Л.* Прощание // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 2002. С. 393—394.

Топорков 2005 — *Топорков А. Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XV—XIX вв. М., 2005.

Тураев 2002 — *Тураев Б. А.* Бог Тот: Опыт исследования в области древнеегипетской культуры. СПб., 2002.

Харитонова 1992 — *Харитонова В. И.* Заговорно-заклинательное искусство восточных славян. М., 1992. Ч. 2.

Харузин 1894 — *Харузин Н. Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 302—346.

Щепанская 2002 — *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX—XX вв. М., 2002.

Сокращения

ЭА — Этнологический архив Российско-французского центра исторической антропологии им. М. Блока (РГГУ).

КА — архив Каргопольской этнолингвистической экспедиции РГГУ.